

"Въ міръ отверженныхъ" г. Мельшина.

Годы перелома (1895--1906). Сборникъ критическихъ статей.

Книгоиздательство "Міръ Божій", Спб., 1908

OCR Бычков М. Н.

Больше тридцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появленіе "Записокъ изъ Мертваго дома" вызвало небывалую сенсацию въ литературѣ и среди читателей. Это было своего рода откровеніе, новый міръ, казалось, раскрылся предъ изумленной интеллигенціей, міръ, совсѣмъ особенный, странный въ своей таинственности, полный ужаса, но не лишенный своеобразной обаятельности. Жизнь "Мертваго дома" и типы его населенія, какъ живые выступали подъ перомъ геніальнаго писателя, увѣковѣчившаго ихъ въ русской литературѣ. Авторъ съ подкупающей художественностью нарисовалъ картины жизни "несчастненькихъ", какъ прозвалъ народъ арестанта, и заставилъ всѣхъ почти согласиться съ собой, когда онъ въ заключеніи говоритъ: "вѣдь, надо ужъ все сказать; вѣдь, этотъ народъ необыкновенный былъ народъ. Вѣдь, это, можетъ быть, и есть самый даровитый, самый сильный изъ всего народа нашего". Правда, авторъ отмѣтилъ несимпатичныя черты своихъ героевъ, съ удивительной правдивостью, обрисовалъ ихъ дикость, невѣжество, отсутствіе товарищескихъ чувствъ, но во всемъ оказывается виноватъ "Мертвый домъ" съ его мертвящими условіями. Даже, напротивъ, отрицательныя черты только усиливаютъ эффектъ общей красоты типа того русскаго преступника, какимъ онъ изображенъ въ "Мертвомъ домѣ".

Болѣе сильной и художественной идеализаціи арестанта и его внутренняго быта не знаетъ русская литература. Громадный талантъ автора надолго покрылъ розовымъ флеромъ "преступную душу", заставивъ всѣхъ преклониться предъ нею, потому что и для автора, и для его читателей она, дѣйствительно, выступаетъ, какъ лучшая представительница народной души. И зло, и добро въ ней проявляются въ грандіозныхъ размѣрахъ, получаютъ особую яркость, если можно такъ выразиться -- жгучесть, благодаря окружающему аду, кладущему на все особый отпечатокъ мрачнаго отчаянія, сжимающаго сердце. Кто не помнитъ, напримѣръ, поразительной сцены въ церкви, когда вся эта преступная толпа въ неудержимомъ порывѣ покаянія падаетъ на землю, гремя цѣпями, при возгласѣ священника: "но яко разбойника прими мя". Или описаніе тюремнаго театра, отношенія арестантовъ къ тюремнымъ животнымъ, описанія, въ которыхъ трудно усмотрѣть что-либо специфически-арестантское. Такъ оно заслонено общечеловѣческимъ. Въ этомъ и состояла, быть можетъ, великая заслуга автора, заставившаго общество смотрѣть на арестанта, преступника, прежде всего какъ на человѣка.

Но вотъ прошло сорокъ лѣтъ, предъ нами снова "Міръ отверженныхъ", и какая глубокая разница между нимъ и "Мертвымъ домомъ!" Новый авторъ, г. Мельшинъ, обладаетъ огромнымъ талантомъ, не столь глубокимъ, какъ у Достоевскаго, но яркимъ и сильнымъ. Его "Міръ отверженныхъ" безспорно художественное произведеніе, мѣстами написанное съ поразительной силой, отъ которой мы уже отвыкли въ современной художественной литературѣ. Горячій тонъ, проникающій эти страницы, придаетъ всѣмъ характеристикамъ и описаніямъ автора отпечатокъ непреложной искренности и правдивости, подъ обаяніемъ которой вы остаетесь съ начала и до конца. Рисуемые г. Мельшинымъ сцены, типы, картины природы отнюдь не фотографически вѣрныя изображенія, а вполнѣ художественные образы, по яркости и смѣлости мало въ чемъ уступающіе типамъ "Мертваго дома". Они живутъ, движутся, охватываютъ васъ толпою какихъ-то безобразныхъ фантомовъ, сливаясь въ удручающій кошмаръ, и вы начинаете вполнѣ понимать смертную тоску, вырвавшую изъ груди автора невольный крикъ боли и отчаянія: "О, проклятый, безчеловѣчный міръ труда и неволи!"

Авторъ вступаетъ въ него настроенный весьма идиллически. "Помню, долгое время,-- говоритъ онъ, -- я страшно идеализировалъ арестантовъ, ихъ артельные нравы и обычаи. Они всѣ рисовались моему воображенію какими-то Стеньками Разинами, людьми беззавѣтной удали и какого-то веселаго отчаянія... Среди маленькой кучки интеллигентовъ кандалный звонъ раздавался какъ-то жидко и прозаично; но тамъ, за парусиннымъ брезентомъ, гдѣ двигались сотни ногъ, звонъ этотъ имѣлъ въ себѣ что-то музыкальное, властное, чарующее... Цѣлые вѣка слышала этотъ звонъ матушка-Волга: въ немъ была передающаяся изъ рода въ родъ поэзія стихійная, безыскусственная... Тамъ страдаютъ безъ гнѣва, безъ жалобы и надежды, страдаютъ, потому, что такъ и нужно, что иначе и невозможно: "не взяла моя --